

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81'44

Т. В. ДОЛГОВА

Омский государственный
институт сервиса

АКТУАЛЬНОСТЬ ОЗНАКОМЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ С ОСНОВАМИ СРАВНИТЕЛЬНО- ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В данной статье показана целесообразность введения в неязыковом вузе дисциплины «сравнительно-типологическое языкознание», представлены основные аспекты типологии фонетических, морфологических и синтаксических систем английского и русского языков.

Ключевые слова: сравнительное языкознание, типология систем английского и русского языков.

Рассматривая в целом языковую ситуацию в мире в начале XXI столетия, следует, прежде всего, отметить глобальный и мультикультурный характер отношений. Межнациональное общение осуществляется гораздо проще посредством международных языков, поскольку в настоящее время иностранные языки не воспринимаются как нечто «заморское» и труднодостижимое, и каждый образованный член цивилизованного общества стремится овладеть не одним, а несколькими языками, что отвечает потребностям всеобщей глобализации.

Известно, что после изучения одного иностранного языка процесс «освоения» последующих проте-

кает намного быстрее, а обучение становится эффективнее. Причина заключается в том, что обучающийся сравнивает информацию о языках на различных уровнях. Однако изучение первого иностранного языка уже требует проведения сравнительно-сопоставительного анализа с родным языком.

В неязыковом вузе студенты обычно изучают один или два иностранных языка. Для ускорения процесса овладения языком нам представляется целесообразным ознакомление с основами сравнительного языкознания. При таком подходе вектор обучения смещается в сторону анализа, поиска и нахождения

сходств и различий в структуре языков, родстве, истории их становления и т. д.

Актуальность применения такого подхода в обучении продиктована содержанием самой дисциплины «Сравнительное языкознание» и ситуацией в современном мультикультурном обществе.

Знакомство с дисциплиной «Сравнительное языкознание» позволит систематизировать знания не только об изучаемом иностранном языке, но и о родном языке. В качестве мотива может послужить тот факт, что предметом сопоставительной типологии является «характерология, т. е. выявление сходств и различий, как структурных, так и функциональных, между системами, подсистемами, грамматическими категориями и т. д. сопоставляемых языков» [1, с. 170]. Основной характеристикой сопоставительной типологии как учебной дисциплины является понятие языка-основы (в неязыковых вузах это в большинстве случаев родной язык учащихся). Каждый изучающий иностранный язык должен осознавать, что одни и те же цели могут достигаться носителями различных языков по-разному — к примеру, с помощью характерных для определённого языка грамматических средств: *I'm sorry for being late.* — Извините за опоздание.

Необходимо отметить, что задачей курса сопоставительной типологии в неязыковом вузе не является системный, исчерпывающий анализ родного и изучаемого иностранного языков: поскольку студенты не владеют лингвистической теорией, в лекции по указанной дисциплине включаются лишь общие принципы типологического анализа.

Сравнение как метод познания использовался человеком с древних времён, и по настоящее время он применяется во всех сферах человеческой деятельности. Ещё в XVII—XVIII веках шла большая работа по описанию и классификации языков, создавались грамматики языков. Во многих странах Европы, а также в России осуществлялась работа по составлению многоязычных словарей. Как пишет А. А. Гирецкий, подобная «собираТЕЛЬская и описательная работа по вновь открываемым языкам создала предпосылки для сопоставления и научной классификации фактов самых различных языков» [2, с. 56]. В той или иной мере сопоставлением языков интересовались такие учёные, как Г. В. Лейбниц, М. В. Ломоносов. В XIX веке развитие сравнительного языкознания связано с именами Ф. Боппа, Я. Гримма, А. Х. Востокова, В. фон Гумбольдта. Первой научной типологической классификацией является классификация Ф. Шлегеля.

Что касается отечественного языкознания, типологические исследования начались в конце XIX века и связаны с именем выдающегося лингвиста, главы московской лингвистической школы Ф. Ф. Фортунатова. Вопросами типологии языков в России XX века занимались такие учёные, как М. М. Гухман, В. Г. Гак, В. М. Солнцев, В. П. Нерознак.

Идея сопоставительного метода была теоретически обоснована И. А. Бодуэном де Куртенэ, который считал, что сопоставительное изучение языков может основываться на выявлении сходств и различий между языками независимо от их исторических или генеалогических связей [2, с. 273].

Указанным методом пользуются различные лингвистические направления. Более подробно место сравнительной типологии среди смежных лингвистических дисциплин описывает Б. А. Абрамов. Исходя из объекта и задач исследования, автор выделяет сравнительно-историческое языкознание, ареальное

языкознание, сравнительно-типологическое языкознание [1, с. 174—175].

Прежде всего, следует остановиться на том, что понимается в современной науке под сравнительной типологией, или языкознанием. В самом широком смысле — это сравнительное изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними [3, с. 512]. На сегодняшний день наиболее известны морфологическая, синтаксическая и фонетическая типологические классификации языков.

Сравнительное языкознание, как указывает А. А. Гирецкий, состоит из трёх областей: 1) сравнительно-историческое языкознание, занимающееся исследованием генетических языковых общностей; 2) сравнительно-типологическое языкознание, занимающееся изучением типов языковой структуры независимо от культурно-исторической принадлежности языков; 3) теоретическое языкознание, формирующее философию языка внутри лингвистики и дающее начало теории общего языка [2, с. 11].

На актуальность исследований в русле типологического языкознания указывает С. Д. Кацнельсон, говоря, что «понятия в принципе не знают национальных различий. Значения же порождаются системой языка и в каждом языке принимают своеобразный и неповторимый характер» [4, с. 16]. Соответственно, изучение языковых систем в сравнении — это и есть первостепенная цель современных лингвистов, исследующих языки с точки зрения типологических классификаций.

Основной задачей сравнительной типологии как учебной дисциплины является «более глубокое понимание специфики родного и изучаемого языка» [2, с. 174]. Как отмечает В. Д. Аракин, главным в изучении сравнительной типологии является «суммирование знаний по фонетике, грамматике и словарному составу изучаемого языка в плане сопоставления с родным языком учащихся. Сопоставление такого рода должны включать в себя только наиболее общие черты структуры языков в их взаимосвязи и взаимообусловленности» [5, с. 3]. Как показывает практика, именно сопоставление родного и иностранного языков помогает предотвратить ошибки, которые учащиеся допускают в процессе обучения иностранному языку.

Рассмотрим наиболее важные аспекты курса сравнительной типологии английского и русского языков, которые следует учитывать при обучении студентов неязыковых вузов. В первую очередь это касается характеристики языков в целом, компонентов структуры каждого из указанных языков.

Во-первых, английский и русский языки не являются близкородственными, т. е. не связаны между собой общим происхождением. Являясь представителями семьи индоевропейских языков, указанные языки относятся к разным ветвям и группам: русский входит в славянскую группу, а английский язык — в западногерманскую. Последний маркируется как аналитический язык, где грамматические значения главным образом выражаются вне слова в предложении. В таком типе языка слово — передатчик лексического значения, а грамматические значения передаются отдельно: порядком слов в предложении, служебными словами, интонацией и т. п. Русский же язык является представителем типологического класса синтетических языков, так как в его системе грамматические значения выражаются в пределах самого слова (аффиксацией, внутренней флексией, ударением).

Проиллюстрируем различия вышеуказанных типов языков частным примером. В английском языке чёткий порядок слов: подлежащее — сказуемое — дополнение (subject — predicate — object). «В русском же языке мы имеем относительно свободный порядок слов с преобладанием основного варианта» [5, с. 14].

В самом широком смысле типологический анализ можно вести на уровне звука (фонетическая и фонологическая типология), на уровне слова (морфологическая типология), предложения (синтаксическая типология) и надсинтаксических структур (типология текста или дискурса).

С точки зрения письменности, английский язык создан на основе латинского алфавита и содержит 26 букв. В русском языке используется письменность на основе русского алфавита, восходящего к кириллице, и в настоящее время состоящего из 33 букв.

Однако, сопоставляя русский и английский языки, помимо отличительных и характерных особенностей каждого из них, можно легко выявить ряд общих черт. Например, оба языка в своём фонетическом составе имеют гласные и согласные буквы и звуки, в обеих фонетических системах наблюдается корреляция по звонкости-глухости. Всё это чрезвычайно важно учитывать при обучении английскому языку, однако гораздо важнее, на наш взгляд, акцентировать внимание на различиях фонологических систем, поскольку именно они имеют непосредственное отношение к постановке английского произношения и устранению акцента русскоговорящих учащихся.

В силу различных экстралингвистических факторов типология морфологических систем английского и русского языков существенно различается. К примеру, в английском языке корневая морфема исполняет роль и производящей основы, и самостоятельного слова, что не является характерной особенностью основы слова русского языка. Однако основные отличия изучаемых морфологических систем касаются состава грамматических категорий, таких, как падеж, род, число, и средств их выражения. Для русскоговорящих студентов также определённую трудность представляют видовременные формы английских глаголов.

Наряду с вышеперечисленными характерными особенностями, имеют место и сходства в типологии морфологических систем обоих языков. Так, сопоставление частей речи не показывает глобальных различий, за исключением употребления в английском языке артиклей и глаголов-связок. В обоих изучаемых языках сходна система сравнения имён прилагательных, виды числительных.

Отдельного рассмотрения заслуживает и типология синтаксических систем английского и русского языков. Как отмечает В. Д. Аракин, «словосочетания в каждом языке строятся по определённым, характерным для данного языка моделям, представляющим собой обобщённые величины, которые в речи наполняются

разнообразным лексическим материалом» [5, с. 137–138]. Например, в каждом языке существуют свои характерные структурно-семантические типы членов предложения.

Итак, изучение типологии имеет большое значение в рамках обучения иностранному языку. Основная мотивация изучения данной дисциплины — максимально избежать ошибок на всех уровнях языка, которые неизбежно возникают при наложении систем двух разных языков.

Даже краткий обзор типологии систем английского и русского языков выявляет важность изучения дисциплины сопоставительного языкознания в неязыковом вузе. Что касается изучения второго иностранного языка, мнение учёных единогласно: в данном случае нет необходимости в отдельном курсе сопоставительной типологии, поскольку учащиеся не столкнутся с чем-то принципиально новым и должны быть в состоянии применить уже усвоенные знания и умения.

В заключение нужно подчеркнуть, что процесс общелингвистической подготовки призван ознакомить студентов с основами типологического языкознания, чтобы они получили более точное объёмное представление об изучаемом языке, поскольку современная наука характеризуется в достаточной степени дифференциацией и интеграцией исследований.

Библиографический список

1. Абрамов, Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков : учебник для студентов вузов / Б. А. Абрамов. — М. : Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 1999. — 288 с.
2. Гируцкий, А. А. Общее языкознание : учеб./ пособие для студентов вузов / А. А. Гируцкий. — Минск : ТетраСистемс, 2001. — 304 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь ; под ред. В. Н. Ярцевой. — М. : Большая Российская Энциклопедия, 2002. — 709 с.
4. Кацнельсон, С. Д. Общее и типологическое языкознание / С. Д. Кацнельсон. — Л. : Изд-во «Наука», 1986. — 298 с.
5. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков : учеб. пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Иностранный язык» / В. Д. Аракин. — М. : Просвещение, 1989. — 254 с.

ДОЛГОВА Татьяна Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Адрес для переписки: e-mail: dashkazav@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2010 г.

© Т. В. Долгова

ФРАНЦУЗСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ОБЛАСТИ МОДЫ В КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКЕ ГЕРМАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)

В данной работе рассматриваются французские заимствования области моды в немецком языке. В статье исследуются экстралингвистические факторы, обуславливающие проникновение французских заимствований в немецкий язык в эпоху Средневековья: влияние Франции на развитие и формирование костюма Германии; языковые, социальные и политические контакты, исторические события эпохи. Отобранная лексика представляет собой материал различных тематических групп: одежда, причёски, обувь, военная амуниция и т. д.

Ключевые слова: отношения Германии и Франции, история костюма, европейская мода, названия предметов одежды, французские заимствования.

Изучение языковых заимствований является актуальной проблемой как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Чисто лингвистические вопросы данной области часто рассматриваются в совокупности с проблемами культурных и социально-экономических контактов. Проблеме заимствований посвящены работы многих ученых: Л. П. Крысин, А. А. Реформатский, Д. С. Лотте, Е. В. Розен, Г. С. Гринёв. Вслед за Л. П. Крысиным, в данной работе мы понимаем под заимствованием «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой» [1, с. 24].

В данной статье автор рассматривает французские заимствования области моды, проникшие в немецкий язык вследствие культурных контактов Германии и Франции. Прежде всего, хотелось бы отметить, что мода изменчива и капризна. Непостоянство моды, её величество мода — это обычные ассоциации со словом «мода». *Mode* (от лат. *modus* — мера, образ, способ, правило, предписание) уже много веков царит в мире, не зная границ и национальных различий. Она касается всех сфер человеческой деятельности и проникает в самые потаённые уголки наших мыслей. Ей подвластно всё и все. И если человек безразличен к новинкам одежды, то новая модель телефона, современный компьютер, красивый и дорогой автомобиль, хорошая обувь, очки в стильной оправе, новинка в аудио- или видеотехнике: всегда у моды есть что-то для вас. Что-то, что заставит сердце биться чаще, а вас произнести заветные слова: «Я это хочу!»

Очень часто понятие мода связано со словом одежда (или костюм), хотя последняя является лишь её составляющей частью. С. М. Михайлов даёт такое определение понятия: «Мода — это непродолжительное единство и массовое распространение тех или иных внешних проявлений культуры — вкусов, поведения, стилистических признаков изделий, принятых критериев их эстетической оценки» [2, с. 77].

В более узком понимании слово «мода» представляет собой череду изменений в пропорциях и фасонах одежды, головных уборах, причёсках, аксессуарах, которые происходят за короткий отрезок времени. «Мода в искусстве, архитектуре, мебели или одежде

должна, скорее, рассматриваться как выражение идей, разделяемых множеством людей в определённый период, часто связанных с фундаментальными изменениями в системе моральных общественных ценностей и отражающих, таким образом, характерные особенности этого периода» [3, с. 7].

Искусство создания предмета моды (одежды, картины, архитектурного сооружения, памятника, ювелирного украшения, аксессуара или причёски) и есть умение выразить фундаментальные идеи посредством различных вещей (камня, краски, холста, ножниц, удачного расположения кусков материи).

За каждым сотворённым предметом моды всегда стоял автор или коллектив, часто остававшийся неизвестным. Лишь иногда можно встретить имена придворных мастеров, создававших свои шедевры для знатных особ. Так, в истории осталось имя Леонар Боляр, он был придворным парикмахером королевы Марии-Антуанетты и создателем причёсок, составлявших одно целое с головным убором. Например, «причёска а-ла фрегат, высотой до 35 см, была посвящена победе французского фрегата „Ля Бэль Пуль“ над англичанами в 1778 году» [4, с. 80].

Как известно, законодательницей моды всегда была Франция. Её влияние распространялось не только на костюм, но и на политику, дворцовый этикет европейских государств, в том числе Германии. Поэтому закономерен тот факт, что вместе с правилами поведения и литературными канонами, предметами одежды и быта заимствовались называющие их слова. В рамках данной работы автором будут представлены лексические заимствования из французского языка моды в немецкий язык. Они составляют группу слов, обозначающих названия тканей, одежды, причёсок, украшений, предметов военного обмундирования. Мы рассмотрим заимствования в области моды, вошедшие в немецкий язык в период Средневековья (условно с V в. по XV в.).

Говоря о немецкой моде, необходимо подчеркнуть взаимосвязь исторических судеб Германии и Франции в целом. Точкой отсчёта во взаимоотношениях двух государств можно считать 496 год, когда в Реймсе

вождь франков Хлодвиг и его сподвижники приняли христианство. Последующие века — это трудная дорога франков к господству в западном мире, закончившаяся созданием Священной Римской Империи. В результате мирных и насильственных переделов она распалась на три жизнеспособных королевства: Германия, Франция, Италия. Постепенно античная культура городов-государств вырождалась в сельскую, без блеска и утонченности.

Поэтому не удивительно, что особого различия на начальном этапе формировании костюма европейских государств нет. В V — VIII вв. костюмы жителей Западной Европы, ещё не осознававших себя французами, немцами, англичанами, были похожи на примитивные одеяния.

Сравните: «Все Германцы носят короткие плащи, застёгнутые аграфом или просто булавкой. Самые богатые выделяют узкой одеждой, обрисовывающей тело и нимало не похожей на развивающиеся одеяния сартов и парфян. Они также укутываются в звериные шкуры ...» [5, с. 22].

В эту эпоху название одежды в немецком и французском языках часто совпадают и имеют латинское происхождение: *camisia* — камизия (нижняя), вид крестообразной полудлинной туники из тонкой шерстяной материи, чаще всего домотканой.

Существуют также названия отдельных предметов одежды: *la gonelle* — гонель, разновидность туники; *braies* — брэ или браки, штаны к нательной рубашке; *braiel* — браель или браер, мужской пояс; *chausses* — шоссы, что-то вроде чулок; *chape* — шап, верхняя накидка; *saie* — сэ, короткий воинский плащ франков; *chasuble* — шазюбль, круглая накидка с отверстием для головы. Накидка со временем стала короче, спереди и с боков вырезали полукружия. В таком виде она долго была в женском, а потом и мужском костюме.

Необходимо отметить, что это период царствования туник разной длины и всевозможных видов. При этом само слово туника существовало и существует в двух языках: немецком (Tunika) и французском (*tunique*).

В Средневековье величайшее значение имеет и такая часть костюма, как причёска. Волосы украшали диадемами в виде узкой ленты или венками из цветов. Суровые франкские воины, а затем и французские и немецкие рыцари будут украшать себя розами на пирах, турнирах и различных увеселениях. К концу X века в Европе появился почётный титул рыцаря. «Франкская» одежда сохраняется в Германии также в начале XI столетия. Рыцарство и куртуазная поэзия наложили особый отпечаток на историю XII — XIII вв., главным образом это влияние было ощутимо в Германии и во Франции.

В период средневекового рыцарства обилие французских заимствований встречается во многих областях жизнедеятельности немцев, особо это связано с турнирами, обычаями рыцарей и культом «прекрасной дамы».

Между тем «... многочисленные французские заимствования, которыми изобилует язык ... рыцарской поэзии, почти не оставили следов в словарном составе современного немецкого языка. Ассимилировались и остались в языке лишь единичные слова, выражающие общие понятия ...» [6, с. 174].

Анализ галицизмов в современном немецком языке показывает, что наименования предметов одежды, быта, имевшие место в период рыцарства, практически исчезли из языка вместе с предателями данного сословия: *bature* — батюр, (набивка),

способ нанесения краски для рисунка герба; *armet* — арме; *heautme* — ом, разновидности шлема; *main de fer* — мэн де фэр, стальная рукавица; *auqueton* — оке-тон, куртка со шнуровкой или короткая туника, подбитая ватой и протёганная.

VXI — XII вв. Европа переживает подъём и становление производства. Последовавшие в этот период крестовые походы способствовали дальнейшему сближению Франции и Германии. Особое значение для этого объединения имел второй крестовый поход, вождями которого стали германский император Конрад III и молодой французский король Людовик VII. Крестовый поход не мог не повлиять на двор германского императора, т. к. за армией Людовика VII следовал огромный обоз, в котором путешествовала его жена с придворными дамами, музыкантами, пажамы, ручными животными и т. д.

Мода проникла и в сферу строительства. Так, изменился взгляд на средневековые цитадели, они приспособлялись к светской жизни: строились конюшни, жилища в два-три уровня, убранству которых уделяется некоторое внимание. По европейскому миру шествует романская мебель. Огромные шкафы и сундуки из дуба, похожие на архитектурные сооружения, располагаются в модернизированных замках на единой отведённых им местах. Костюм этого периода сохраняет признаки принадлежности романскому стилю: цельность, простота, большая плотность. Вся одежда, кроме вуалей, непроницаема, как стена: *chainse* — шенз, длинная мужская туникообразная рубашка; *bliau* — блио, верхняя одежда мужская и женская, замена туники-гонель; *doublet* — дублет, нечто вроде курточки без застёжки, а иногда и без рукавов, составленной из двух слоёв хорошего льняного полотна; *pelisson* — пелиссон, тоже что дублет, но из любой ткани с прослойкой из мягкого меха.

В качестве примера можно привести также плащ-шап (*chap*), служивший западноевропейским королям и германским императорам официальной одеждой для праздничных служб в храме и на больших приёмах. Из-за объёма и тяжести этого одеяния при дворах Европы появилась должность *portechape* — портшап, несущий шап. Должность сохранялась при французском королевском дворе до XVIII века, считалась весьма почётной и отводилась только дворянам.

Что касается обуви, следует заметить, что Западная Европа обулась в лёгкие туфли *pigache* — пигаш, с удлиненными носами, то загнутыми, то закрученными. И «виновником» этой новой моды считают графа Анжуйского, который с помощью такой обуви старался скрыть свою кривую ногу (XII в.).

Сугубо светским дополнением к костюму были сумки и кошельки в виде кисета *aumonière* — омоньер. Название сумочки произошло от французского слова *aumole* — милостыня, подаяние. Они были частью любого выходного костюма, т. к. в них складывали мелкую монету для нищих. Позже они стали предметом роскоши и шились из дорогих материалов.

В период Средневековья появилось и существует в современном немецком языке слово *chapèron* — шаперон, шапка в виде остроконечного колпака или съёмного капюшона. Отметим, что некоторые словари, например *Fremdwörter Neues Wörterbuch*, указывают два языка-источника: латинский и французский.

Chaperon — eng anliegende Kapuze im Mittèlalter [7, с. 174].

В специализированной литературе встречается также немецкое слово *Schaperun*, однако, оно уже

имеет другое значение: одежда без рукавов и пояса, с шестью декоративными пуговицами.

Продолжением рыцарских традиций можно считать популярность венков из цветов *chapel* (в немецком языке *Schapel*) — шапель. Лента из шёлка или парчи, как и венки, называлась шапель, а лента-диадема с украшениями из жемчуга и драгоценных камней, с пышными перьями имела название *tressoir* — трессуар.

Влияние Франции на стиль и моду Европы не ослабевает и в дальнейшем. В самой Франции наблюдается тенденция к экономии, стремление к простоте в одежде. Следствием этому явились постановления об одежде, обнародованные в 1190 г. влиятельнейшими европейскими монархами Филиппом-Августом Французским и Ричардом Львиное Сердце.

Романская броня на кожаной основе заменяется кольчужной рубашкой *haubert* — обер. Примитивные нарамники сменились платьями без рукавов, украшенными геральдическими узорами, их называли *cotte d'armes* — котт д'арм. В женском гардеробе появляются удлинённые меховые жилеты *pelisson* — пелиссон, что значит «пушистый». Головной убор для замужней женщины в виде вуали или покрывала называют теперь *couvre-chef* — кувр-шеф и ещё более закрытый *guimpe* — гимп (манишка). При этом Франция и Германия шагали в ногу с модой по дорогам Европы. Так, например, очень популярны в Европе были изделия из цветной византийской эмали. По этим образцам учились мастера Лиможа (Франция) и Рейнской области (Германия), они лучше всех освоили технику производства эмали в Европе.

О влиянии французской моды на другие государства говорит и следующий факт. При Французском дворе рыцарям из свиты короля раз в год преподносились подарки, эта церемония называлась *livraison* — ливрезон. С середины XII в. этот обычай стал распространяться повсеместно. От слова *livraison* происходят французское *livree* и английское *livrée*, имеющие значения «ливрея, платье для слуг». А в немецком языке до сих пор существует французское слово *livrée*, и словари по-разному фиксируют это слово, либо с пометой [frz.], либо в словарной статье указывают период появления термина в языке [afrz.] [8, с. 123].

Livree — uniformartige Kleidung (für Diener, Kutsher, Portiers u.a.) [frz.] [7, с. 202].

Период с XIII в. по первую половину XIV в. в истории развития Европы отмечен бесконечными внутренними и внешними войнами. Борьба Франции и Англии за территории, конфликтные отношения Германии с Папой Римским, последний крестовый поход — всё это не могло не отразиться на внутренней жизни государства. Но и в этот смутный период французский король приобретает новые земли для своей короны и основывает и в дальнейшем поддерживает Парижский университет. Благоприятная ситуация складывается в Европе (не без участия Франции) для развития текстильного производства. Франция благополучно проводит многочисленные ярмарки в Шампани, Иль-де-Франс и во Фландрии. Несомненно, эти обстоятельства оказывают влияние и на соседние государства, в том числе и на Германию.

С начала XIV в. в европейскую моду входят шоссы с твердой кожаной стелькой, пришитой изнутри. К таким чулкам не надевали туфли, а выходя на улицу, привязывали *patins* — патэны (в современном французском языке *patins* — коньки) — деревянные сандали на платформе. Они были так удобны, что до XVII в. европейцы носили похожие на них платформы вместо галош.

Из яркой материи шилась *cotte* — котт, котта, по верх которой обычно надевали *surcot* — сюрко. Само название указывает, что она надевалась поверх чего-либо: *sur* — французский предлог «на», *cot* — корень слова «*cotte*».

Ecarlate — экарлат — это означало: 1) шерстяной драп для сюрко; 2) высококачественную шерстяную ткань всех оттенков красного. На груди сюрко делали разрез *amigaut* — амиго, его закалывали фибулой или аграфом (французское слово *agraffe*). Разрез амиго делали и на верхнем платье, называемом *cottehardie* или *cotardie* — котарди (конец XIII в.), разновидность безрукавного платья сюрко, с большим объёмом и количеством складок. Также характерной одеждой этого периода являются: *herigaut*, *garnache*, *auqueton*, *gorgerette*.

К концу XIII в. появились ещё две вещи в гардеробе обеспеченных людей: *garde-corps* — гард-кор, *corset* — корсет (одежда без рукава из тёплой материи, часто с капюшоном). Для мужчин и женщин существовал головной убор *aumusse* — омис, в виде чепца с меховой пелериной. Во Франции омис с горностаем считался знаком принадлежности к королевской семье. Это был головной убор для различных слоёв населения.

В результате политического и экономического спада, к 1400 году в Западной Европе не было государства, способного диктовать свою волю другим. Вместе с тем, несмотря на ослабевшее политическое влияние, Франция не перестала быть законодательницей моды в Европе: «я должен ... не забыть упомянуть безобразные изменения в одеждах, которым способствовали Французы, ... нынешняя молодёжь надевает верхнее платье настолько короткое и узкое, что в него невозможно влезть без посторонней помощи; кроме того, они носят кожаные пояса, ... да ещё с большими пуговицами ...» — таково свидетельство очевидца того времени [5, с. 159].

Свидетельство, зафиксированное в хронике немецкого города Лимбурга в 1350 году, подтверждает правоту наших выводов: «Костюмы были такими узкими, что мужчина не мог в них (свободно) передвигаться, и верхнее платье носили совсем коротким, выше колена ...» [5, с. 160]. Даже неудобство не могло препятствовать стремлению, как и прежде, подражать французской моде.

Со временем Франция становится центром Европы по производству новых тканей: брокар и дамасский шёлк. Она производит шёлковое бельё, скатерти, салфетки с тканым орнаментом. Появляется новый вид ковров — шпалеры, они стали произведением искусства и производились во Франции.

Одежда данного периода состояла из нескольких компонентов: *pourpoint* — пурпуэн, куртка, облегающая тело от талии до бедра и «раздутая» в груди и плечах, или камзол со стоячим воротником бургундской моды; *gipon* — жипон, узкая курточка; *petits-draps* — пти-дра (кусочек ткани, лоскут), штаны-брэ, *haut-de-chausses* — о-дэ-шос (поверх шоссов), штаны из шерсти или шёлка.

Расширилась группа верхней одежды, внося в язык новые названия предметов гардероба: *jaque* — жак или *jaquette* — жакет, одежда с большими рукавами, со складчатой юбочкой, длиной до колен и с воротником-стойкой. Название пришло из французского языка вместе с предметом одежды и сохранилось в немецком языке. Вместе с тем, слово *jaque* имеет несколько графических соответствий: *Schecke*, *Jackett* и современное *Jacke*. В данном случае мы имеем дело с «заимствованными словами в чистом виде».

Д. С. Лотте под таким типом заимствований понимает «слово, перенесённое в данный язык из какого-либо языка в том виде, в котором оно в нём существует в момент заимствования» [9, с. 10]. Мы считаем, что мелкие фонетические изменения объясняются различными системами звуков французского и немецкого языков.

Сам жакет менялся мало, с течением времени его составляющими были: *carcaille* — каркай, воротник «ошейник»; *gigot* — рукав-жиг, «окорокообразный»; *mahoitre, maheutre* — мауатр или маётр, подплечник.

Плащи, круглого или полукруглого покроя, стали называть *cloche* — клош, колокол. В немецком языке слово *Glocke* происходит от кельтского слова *cloc*, однако, появление названия вида кроя *cloche* послужило образованию нового значения уже существовавшей в немецком языке лексической единицы. Мы считаем, что в данном случае имеет место семантическое заимствование, когда к немецкому формату заимствуется дополнительное значение.

Ещё один факт, объединяющий историю моды Франции и Германии: при дворах этих государств стали носить маски, соединённые с верхним платьем, *faux visages* — фальшивые лица, в определённый период они стали частью повседневного костюма.

На смену сюрко пришёл *houppelande* — упеланд, платье средневековья, т. к. эта одежда не была сословной, у неё вскоре появилось второе название *robe* — роб. Немецкие словари фиксируют это слово как происходящее от старофранцузского *rauba* и от современного *robe*. Заимствованное слово уже много веков живет в немецком языке.

Украшения вышивкой и золотыми узорами вытесняются из гардероба массивными ювелирными изделиями, цепями различного плетения и *collier carcain* — ожерельями в виде ошейника. Светскими украшениями выходного платья стали широкие шарфы *echarpe* — эшарп. У этого французского слова также сложный путь в немецком языке: старофранцузское слово *esquerpe*, претерпев изменения, преобразуется в *echarpe*, а затем в *Escharpe* и, наконец, мы получаем современное слово *Schärpe*.

Шляпы самых разнообразных форм, с полями и козырьками назывались *bec* — клюв. Обувь сохраняла вытянутый носок *poulaines* — пулен, и была удлинена сверх всякой меры. Подобная обувь входит в моду в XIV в. во Франции, затем переходит в Германию. В немецком языке сохранился не только французский термин в двух вариантах написания: *poulaines* или *soulier à la poulaine*. Само слово в переводе означает «нос корабля» и по причине схожести так была названа обувь. Немецкий язык отреагировал на появление иноязычных слов созданием двух семантических заимствований: *Schiffsschnabel* и *Schnabelschuh*.

Женские головные уборы накручивали и наворачивали вокруг головы, и они получили название *atoure* — атур, от французского глагола *atourner*. Кульминацией позднеготического женского головного убора стало появление атура, похожего на колпак звездочета, с прикрепленной на самый кончик колапка длинной вуалью. Современники называли его *atoure à la bannière* — атур, подобный военному стягу. Максимального развития атуры получили при Бургундском дворе, и назвались *hennin* (французское, от арабского *hanin*). Под таким названием эти головные уборы вошли в историю и немецкий язык.

Влияние позднеготической моды, доведённой бургундским двором до высшей степени элегантности, также ощущалось в соседних странах, в первую очередь в Германии. Особенно охотно заимствовались

элементы новых форм одежды в землях, лежавших в нижнем течении Рейна и на юго-западе.

После итальянского похода Карла VIII Французского в истории костюма Западной Европы происходят серьезные перемены. Возвращается чувство меры, гармония цвета, естественность пропорций. Так заканчивается в истории государств период средневековья, но не заканчиваются их отношения с капризной и своенравной королевой под именем «мода». А также не прекращается взаимопроникновение культур Франции и Германии, за которым следует иногда обогащение, иногда засорение языка иноязычными заимствованиями.

История отношений Германии и Франции сопровождается интенсивным процессом заимствования французских слов и реалий области моды в немецкий язык. Все представленные в нашей работе французские заимствования в области моды являются результатом языковых и культурных контактов двух народов (в период с V в. по XV в.). Из 56 рассмотренных в статье французских заимствований в настоящее время в различных словарях немецкого языка, а также в специализированной литературе по истории костюма зафиксировано 39 лексических единиц, что составляет 70% от общего количества исследуемых единиц. Сохранили языковую оболочку французского языка 36%, а 31,7% полностью или частично ассимилировались в немецком языке.

Степень ассимиляции, мы полагаем, зависит от пути заимствования. Французские заимствования, воспринятые через устное общение, показывают полную ассимиляцию (фонетическую и грамматическую). Мы считаем, что из представленных в работе французских заимствований в области моды 89,7% составляет лексика, специфическая по своей тематике и сфере употребления. Данная группа и является заимствованиями в чистом виде. Такие заимствования, на наш взгляд, не представляют угрозы для языка-реципиента, но вызывают определённый интерес у исследователей.

Библиографический список

1. Крысин, Л. П. Русское слово, своё и чужое / Л. П. Крысин. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 883 с.
2. Михайлов, С. Дизайн архитектурной среды / С. Михайлов, Н. Дембич. — Казань: ДАС, 1994. — 120 с.
3. Такер, Э. История моды / Э. Такер, Т. Кингсвелл; пер. с англ. И. Бельченко. — М.: АСТ, 2004. — 224 с.
4. Каминская, Н. М. История костюма / Н. М. Каминская. — М.: Лёгкая индустрия, 1986. — 168 с.
5. Горбачёва, Л. М. Костюм Средневекового Запада / Л. М. Горбачёва. — М.: ГИТИС, 2000. — 230 с.
6. Степанова, М. Д. Лексикология современного немецкого языка / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. — М.: Высшая школа, 1962. — 310 с.
7. Fremdwörter Neues Wörterbuch. — Printed in Germany, 1995. — 384 s.
8. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen, Akademie — Verlag, Berlin, 1989.
9. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. — М.: Наука, 1982. — 149 с.

ГРУЕНКО Светлана Евгеньевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: e-mail: lang@omgis.ru

Статья поступила в редакцию 28.06.2010 г.

© С. Е. Груенко

ТЕРМИН, ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

В данной статье рассматриваются понятия «термин», «понятие» и «значение». Анализируются их соотношение, точки пересечения. Рассматриваются все аспекты, которые включает в себя содержание этих понятий.

Ключевые слова: термин, понятие, значение, терминология.

Вопрос о соотношении термина, понятия и значения является одним из самых дискуссионных, так как «термин — объект сложный, совмещающий в себе лингвистическое и понятийное начала» [1, с. 56]. Обобщая теоретический опыт, накопленный в области анализа понятийного аппарата человека, можно сделать некоторые выводы.

К.Я. Авербух однозначен в своем мнении о том, что термин категорически не является понятием и частным от деления наименования на понятие [2, с. 130]. Однако нет сомнения в том, что любой термин называет понятие. В процессе материальной и духовной деятельности, оперирования с объектами человек неизбежно дает наименования этим объектам, обозначает их определенным образом. Термин является «овеществлением» абстракции объекта специальной сферы в виде лексической единицы естественного языка [3, с. 22].

А.В. Суперанская поддерживает данную точку зрения о том, что любое понятие делается доступным для включения в систему или в текст научного сообщения лишь благодаря словесному обозначению. Такими своеобразными именами понятий служат термины. Для термина именуемое понятие одновременно и есть именуемый объект, т.е. доминирует связь «имя — понятие». За термином всегда стоит предмет мысли, но не мысли вообще, а специальной, ограниченной определенным полем [4, с. 34].

Во всех логических определениях термина на первое место выдвигается его связь с понятием. Термины связаны не с понятиями вообще, а с понятиями определенной теории или концепции, отражающими уровень знания в определенный период (с концептами). «Тем самым термины, содержательно базируясь на логико-понятийной основе, отличаются «интеллектуальной чистотой» [1, с. 58].

Терминами обозначаются общие понятия (которые при этом могут быть собирательными или разделительными, родовыми или видовыми), т.е. денотатом термина является общее понятие — научное, техническое, политическое, — структура которого также очень сложна [3, с. 72].

Если любой термин называет понятие, то каждый термин делает это по-разному, с разной степенью полноты, расчлененности, точности.

Говоря о связи термина и понятия, важно подчеркнуть еще два момента: понятие, которое обозначается термином, взаимосвязано с другими понятиями той же области, является элементом системы понятий; термин взаимосвязан с другими терминами, является элементом терминологической системы [3, с. 25].

Термины в составе терминологической системы через систему понятий создают модель фрагмента

объективной действительности, необходимую в процессе познания и освоения мира [3, с. 26].

Вопрос об определении содержательной стороны языкового знака, понятия и тем более научного понятия, является одним из самых дискуссионных. В.Н. Бородулина, например, объясняет это тем, что, говоря о понятии, мы выходим за пределы теории знаков и рассматриваем понятие не как характеристику знаков, а как «определенную форму отражения действительности на ступени абстрактного мышления, т.е. на ступени познания действительности с помощью языка» [5, с. 31].

Тем не менее ученые проявляют некоторое единодушие в определении понятия «понятие».

Понятие как форма (вид) мысли, или как мысленное образование, есть результат обобщения предметов некоторого вида и мысленного выделения соответствующего класса (множества) по определенной совокупности общих для предметов этого класса — и в совокупности отличительных для них — признаков [2, с. 166].

Л.Г. Воронин также считает, что понятие есть отражение определенной совокупности общих и существенных признаков предмета [6, с. 89].

С.В. Гринев определяет понятие как форму мысли, отражающую наиболее существенные признаки объектов и явлений окружающего мира [7, с. 19].

По мнению А.В. Суперанской, в понятии суммируется или умственно абстрагируется то, что оказывается общим для группы индивидуальных объектов; таким образом, понятие — это элемент мышления, представляющий черты (признаки), общие ряду объектов [4, с. 34].

Под содержанием понятия понимается совокупность признаков, которые все вместе достаточны, а каждый необходим для того, чтобы выделить данный класс предметов, т.е. отличить эти предметы от других. Объемом понятия называют класс обобщаемых в понятии предметов. Содержание и объем понятия связаны так называемым законом обратного отношения: чем шире объем понятия, тем уже его содержание, и наоборот [2, с. 166].

Таким образом, объем понятия — это денотат (значение) обозначающего его имени, а содержание — концепт (смысл), который это имя выражает [8, с. 354].

Объективный характер назывных слов роднит их с понятиями. С.Д. Кацнельсон считает, что эти явления имеют единую природу: лексические значения, как и понятия, это своего рода умственные «концентраты», сгустки человеческих знаний об определенных фрагментах и сторонах окружающей нас действительности. Значения слов, как и понятия, покоятся на специфической форме отражения действительности —

обобщения и абстракции. В основе слов и понятий всегда лежит обобщение, т.е. отражение того общего, постоянного и устойчивого, что скрыто в многообразии и бесконечной переменчивости явлений [9, с. 13].

Эту важнейшую особенность значения видели уже древние индийские и греческие мыслители. Так, Вачаспати, один из виднейших представителей индийской философской школы Ньяя, говорил, что «слово обозначает общее, включающее в себя все индивидуумы, рассеянные во времени и пространстве, и, таким образом, относится к индивидуумам как настоящего времени, так и прошедшего» [9, с. 14].

О.С. Ахманова определяет значение слова как отображение предмета действительности (явления, отношения, качества, процесса) в сознании, становящееся фактом языка вследствие установления постоянной и неразрывной его связи с определенным звучанием, в котором оно реализуется; это отображение действительности входит в структуру слова (морфемы и т.п.) в качестве его внутренней стороны (содержания), по отношению к которой звучание данной языковой единицы выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и сообщения его другим, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития [10, с. 160].

А.А. Потебня различает так называемое ближайшее и дальнейшее значение слова. «Под значением слова, — отмечает А.А. Потебня, — понимаются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук, — дальнейшим значением слова. Только одно ближайшее значение слова составляет действительное содержание мысли во время произношения слова. Ближайшее, или формальное, значение слов, вместе с представлением, делает возможным то, что говорящий и слушающий понимают друг друга. Оба они думают при этом о различных вещах, но так, что мысли их имеют общую точку соприкосновения: представление (если оно есть) и формальное значение слова. Общее между говорящим и слушающим обусловлено их принадлежностью к одному и тому же народу. Другими словами: ближайшее значение слова народу, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов, — лично» [6, с. 89].

В качестве значений терминов выступают весьма специфичные понятия — общие понятия специальных областей знаний или деятельности, представляющие собой единство обозначения (референции, объективного) и осмысления (теории, объективно-субъективного). В этом плане значения терминов сложнее, чем значения нетерминов, поскольку они включают в себя специальный (научный, технический и пр.) компонент [3, с. 34]. С.В. Гринев подчеркивает, что значение терминов строго ограничено [7, с. 19].

Тем не менее следует разграничивать лексическое значение и понятие. Так, например, Л.Г. Воронин предлагает различать смысловое значение слова и понятие. Смысловое значение слова — это такое его выражение, при котором в слове выражается совокупность любых признаков предмета или явления. Понятие же есть отражение определенной совокупности общих и существенных признаков предмета [6, с. 89].

По мнению В.М. Богуславского, в понятиях откладывается, аккумулируется общественно-историческая практика людей, подытоживается и резюмируется знание, накопленное за известный период. В значении слова используется не все содержание данного понятия, а только часть его, известная всем членам

общества. Таким образом, значение определяется как часть понятия [6, с. 244].

Д.П. Горский различает два типа понятий — понятия, которыми мы пользуемся в повседневной жизни, и научные понятия [6, с. 89]. Разница между быденными и научными понятиями лежит в различной степени существенности обозначаемых признаков (БСЭ). Быденные понятия отражают «внешние» признаки объектов и явлений, познаваемые, прежде всего, через механизмы чувственного восприятия или связанные с житейским опытом. Научные понятия отражают существенные и необходимые признаки объектов и явлений и связаны с пониманием их глубинной сути, логическим мышлением и умозаключениями. Научное понятие является единством общего, особенного и единичного, т.е. конкретно-всеобщим [8, с. 354].

Таким образом, «бытовое и научное понятия, которые соотносятся друг с другом на основе сходной и различной внешней формы языкового знака, выявляются посредством разного внутреннего содержания». Хотя «и то, и другое понятие опираются на одно общее представление, которое является исходной «клеточкой» познания» [11, с. 32].

При этом В.И. Карасик указывает на то, что научность не является синонимом истинности, более того, именно научные понятия подвергаются критике и переосмыслению (иначе говоря, есть понятия практического и теоретического мышления) [5, с. 31].

Обыденное понятие и значение слова совпадают. Научное же понятие играет и роль значения этого слова (т.е. по признакам, отраженным в этом понятии, можно отличать предметы, обозначаемые словом) и раскрывают сущность предметов, обозначаемых этим словом [6, с. 89].

Говоря о научном понятии, ученые указывают на его отличие от лексического значения слова. По словам Н.Б. Мечковской, если последнее отображает наглядно-чувственное представление об объекте, явлении, то, понятие включает в себя знание о непосредственно не наблюдаемых чертах объекта и возникает обычно как плод абстрактного мышления в ходе которого «сознание обязательно «отвлекается» от наблюдаемой пестроты свойств вещей и пытается понять их сущностную глубину». Научное понятие фиксирует, таким образом, «наиболее глубокие и важные (сущностные) черты объектов, соответствующие научной картине мира (своего времени)» [5, с. 31].

Также важно разграничивать формальные и содержательные понятия.

Формальным понятием называется тот минимум наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков, которые необходимы для выделения и распознавания предмета. В формальном понятии подытоживается главное из того, что нужно знать о предмете [9, с. 18].

По замечанию С.Д. Кацнельсона, формальные понятия это, в сущности говоря, родовые понятия, основанные на разграничении индивида и рода, субстанции и свойства. «Выражаемое словом родовое понятие имеет вполне определенный, объективно установленный объем, и пока этот объем остается неизменным, обогащение содержания не вызывает ломки значения [9, с. 33].

Интересные мысли о слове как выражении формального понятия были высказаны в свое время Н.Г. Чернышевским. «Словами, — писал он, — охватывается не все содержание представлений, а лишь доля его, и во многих случаях эта доля, — хотя и существенная, — доля очень маленькая». Слово лишь крайне неполно

отражает действительность, «это не более как бледный и общий, неопределенный намек на действительность» [9, с. 23].

Содержательное понятие идет дальше формального, охватывает все новые стороны предмета, его свойства и связи с другими предметами.

Уме человека, в кладовой его памяти, понятия хранятся в двояком виде: как содержательные понятия, охватывающие всю сумму знаний человека о данном предмете, и как их формальные дубликаты, тесно связанные со значениями слов. При обычных условиях достаточно оперировать словом как носителем формального понятия, не загромождая мысль излишними деталями.

Содержательные понятия у разных людей могут оказаться различными в силу различий индивидуального опыта, уровня образования, самостоятельности мысли, творческой одаренности и т.д. Что же касается формальных понятий, образующих содержание слов, то в принципе они должны быть одинаковы у всех членов данной языковой общности [9, с. 23].

Более того, можно говорить о том, что формальные понятия одинаковы для всех членов всего человеческого сообщества, что убедительно доказывает в своих исследованиях С.В. Гринев: «...общеупотребительный язык изменяется медленно. В нем сохраняются те слова, которые были в древний период и возникает иллюзия отождествления — эти слова нам знакомы, мы понимаем их значение (правда, в совершенно ином, современном смысле) и нам кажется, что люди мало изменились с давних времен. Это также указывает на то, что на нижних уровнях сознания мы во многом подобны, если и не одинаковы с людьми, жившими много веков назад, — разница заметнее в высших уровнях рассуждения [7, с. 94].

Таким образом, можно сделать вывод, что для терминотворчества особенно подходят те термины, которые являются носителями формального (ближайшего значения), которое народно, т.е. понятно (одинаково) для всех членов языкового сообщества. Также предпочтительнее термины с прозрачной внутренней формой, мотивированные термины, так как они, по замечанию В.М. Лейчика, выражают специальное понятие, а не просто называют его [3, с. 23]. Примерами таких терминов являются *life* (жизнь) и *death* (смерть), которые, являясь в повседневной жизни обычными словами, в сфере, например, экономики, употребляются относительно товаров, обозначая, соответственно, период существования товара на рынке (*life*) и снятие товара с продажи (*death*).

Этимон [9, с. 56], лежащий в основе обозначения основан на сходстве цикличности жизненного пути человека и любой единицы товара. Более того, данные слова являются носителем формального (ближайшего значения), которое одинаково для всех членов языкового сообщества. Изначально имея элементарное представление о жизненном пути, человек с течением времени приобретает знания философского, психологического, практического характера, т.е. данное понятие приобретает более глубокий содержательный смысл, но при этом, деформации значения не происходит: «Выражаемое словом родовое понятие имеет вполне определенный, объективно установленный объем, и пока этот объем остается неизменным, обогащение содержания не вызывает ломки значения» [9, с. 33].

Помимо того что сами слова являются готовыми терминами в экономике, они, также, служат прекра-

сным «материалом» для создания массы ярких, метафоризированных терминологических выражений в экономике:

death play — «смертельная игра»: спекуляции с акциями компании, где есть основания ожидать смерти руководителя (напр., тяжелая болезнь) и последующего роста стоимости компании; такие ожидания могут быть основаны на расчете, что компания разобьется на несколько самостоятельных фирм, которые в совокупности будут стоить больше, чем прежняя единая компания;

death-backed bonds — «облигации, которые обеспечены смертью»: долговые обязательства, обеспеченные полисом страхования жизни; погашаются полисодержателем или страховой компанией в случае его смерти за счет поступлений от страхового полиса»;

life-belt — «ремень безопасности»: обеспечение кредита;

lifeboat operation — «спасательная операция»: операция, организованная Банком Англии во время кризиса второстепенной банковской системы.

Учитывая справедливое замечание С.В. Гринева о том, что «удачные термины могут способствовать развитию науки, а неудачные — тормозить развитие научных знаний» [7, с. 82], можно считать подобные термины удачными, так как они сочетают в себе все необходимые для успешного функционирования в языке качества.

Библиографический список

1. Морозова, Л. А. Терминознание: Основы и методы / Л. А. Морозова. — М.: ГНО «Прометей» МПГУ, 2004. — 144 с.
2. Авербух, К. Я. Общая теория термина / К. Я. Авербух. — Иваново, 2004. — 252 с.
3. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 256 с.
4. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. — М.: Наука, 1989. — 246 с.
5. Бородулина, Н. Ю. Метафорическая репрезентация экономических понятий как объект семиотического анализа: монография / Н. Ю. Бородулина. — Тамбов: Изд-во «Грамота», 2007. — 184 с.
6. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников [и др.]. — М.: Наука, 1988. — 216 с.
7. Гринев-Гриневиц, С. В. Основы антропологической лингвистики (к лингвистическим основаниям эволюции мышления): учеб. пособие / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина, Т. Г. Скопюк. — М.: Компания Спутник+, 2005. — 114 с.
8. Большая Советская Энциклопедия: В 30 т. Т. 20. / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Советская Энциклопедия, 1975. — 608 с.
9. Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. — М.: Наука, 1965. — 110 с.
10. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 576 с.
11. Манерко, Л. А. Категоризация в языке науки и техники. Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч. трудов / Л. А. Манерко. — Рязань: Изд-во Ряз. пед. ун-та, 2000. — С. 30–38.

СТОЖОК Екатерина Викторовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: e-mail: kategilt@gmail.com

Статья поступила в редакцию 22.12.2010 г.

© Е. В. Стожок

СВЯЗНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ТАДЖИКИСТАНА

В статье показывается, что существуют многочисленные средства смыслового и формального соединения высказываний в текстах публичных выступлений. Наиболее изучены средства связи предложений в письменных текстах, в частности — в текстах деловой коммуникации.

Ключевые слова: действия, синтаксическая связь, глаголы, возможность соединения, сложный анализ.

Введение. В настоящей статье связность рассматривается, с одной стороны, как формально-структурная синтаксическая организация текста, имеющая эксплицитные лексико-грамматические способы выражения, с другой — как «отражаемое, передаваемое или создаваемое речью объединение фактов, явлений и т. д. в одно замкнутое целое» [1, с. 123].

Связность в текстах публичных выступлений. В научной литературе широко распространено убеждение в том, что для текстов хозяйственного и политического характера наиболее типичной является формально выраженная эксплицитная связь, которая обеспечивает логичность изложения, однозначную интерпретацию содержания. Анализ показывает, что связность текста публичного выступления во многом основывается на логике убеждения, демагогичности и софистичности рассуждения и нуждается в экспликации в тех случаях, когда возникает возможность различных интерпретаций.

В тексте публичного выступления наиболее широко представлена связь посредством лексического повтора, при которой одна из лексем предшествующего предложения повторяется в последующем [2]. Синтаксические функции повторяющихся элементов могут быть различными: «*подлежащее — подлежащее*», «*подлежащее — дополнение*», «*дополнение — до-полнение*» и др., например:

«Теперь о заявлении узбекской стороны об одностороннем введении визового режима. Здесь я вынужден напомнить об обязательных ответных действиях, т.е. принудительных действиях одного государства, направленных против другого государства, нарушившего интересы первого. Иначе действовать мы не можем. Сегодня просто обязаны ответить на недружественные заявления Узбекистана и восстановить нарушенные права наших граждан. Таджикская сторона предупреждает, что существуют известные международноправовые меры воздействия на недружественные действия противной стороны: отзыв посла из государства... выдворение из страны дипломатов... запрещение въезда в страну или отмена визитов делегаций и т. д.»

/Выступление посла Таджикистана в Китае Рашида Алимова на новогоднем приеме в редакции газеты «Жэньминьван» 19 декабря 2008 года/.

К лексическому повтору относят такие случаи, когда слова, имеющие общий лексический компонент, принадлежат разным частям речи. Достаточно часто эта связь имеет характер «*сказуемое — дополнение (или подлежащее, обстоятельство)*». Превращение глагольного сказуемого предшествующего предложения в абстрактное существительное последующего рассматривается как сильный вид связи, приводящий к «конденсации» смысла, так как содержание предшествующего предложения как бы вмещается в оборот с существительным.

«Обслуживание кредитов, взятых в иностранных банках, в текущем году проблематично. Практически все кредитные средства пошли на закупку российского кокса для Душанбинского металлургического завод. Без российского кокса технологический процесс был бы просто невозможен. При выплавке чугуна кокс является основным источником тепла и необходим для образования окиси углерода, которая служит восстановителем. При восстановлении получается губчатое железо. Вместе с железом восстанавливаются кремний, марганец и фосфор. Только строгое соблюдение технологий позволит сохранить конкурентоспособность нашей продукции.»

/Выступление заместителя министра финансов Республики Таджикистан Дж. Нуралиева на церемонии ежегодного собрания Методологического Совета 27 декабря 2008 года/.

По замечанию М.А. Бовтенко, «наиболее частотным, распространенным и нейтральным видом связи является местоименная субституция, т.к., с одной стороны, употребление местоимения вместо повторения той же лексемы позволяет избежать стилистического однообразия, сохранить терминологическую строгость и точность и, с другой стороны, использование местоимений в качестве субститутов целых высказываний или их частей обеспечивает компрессию и информационную емкость, необходимую в текстах публичных выступлений должностных лиц». Кроме того, использование в качестве субститута местоимения часто связано с изменением аспекта изложения, переходом к оценке, комментированию, пояснению (аналогичные функции могут выполнять указательные местоимения с частицей вот: *вот кто, вот что, вот отчего* и др.) [3]:

«Таджикское общество — не просто множество людей, а совокупность общественных отношений между людьми разных возрастов, национальностей, вероисповедания. Понимание этого должно выводить категорию «общественных отношений» на одно из первых мест в системе пропаганды любой политической партии, любого общественного движения. В центре любой политической концепции должен стоять человек — член гражданского общества.»

/Выступление постоянного представителя Республики Таджикистан при ООН Сироджиддина Аслова на Генеральной Ассамблее ООН 04 октября 2007 года/.

Связь, осуществляемую, как правило, местоимениями, указывающими на предшествующий фрагмент или замещающими его, называют анафорической [4]. Необходимо отметить, что анафорическая связь, типичная не только для текстов публичных выступлений, но и для русского языка в целом, может вызывать трудности у торкоязычных слушателей (прежде всего узбеков), в языке которых преобладает катафорический вид связи, т.е. используются указания на последующий контекст.

Если повторы создают и поддерживают тематическое единство текста публичного выступления, то лексикограмматические средства связи (союзы, союзные слова, вводные слова и словосочетания, наречия), обеспечивают логическую и композиционную организацию текстового материала, выражая широкий спектр отношений (условных, причинноследственных, уступительных, сравнительных и т.п.). В лингвистической и методической литературе достаточно хорошо изучены и описаны стандартные языковые средства, так называемые «языковые скрепы», функции которых сводятся к указанию на композицию и структуру (*во-первых, во-вторых, прежде всего, наконец и т. д.*), на способ расстановки смысловых акцентов в выступлении (*в частности, в этом смысле, в целом, с одной стороны, с другой стороны, однако, наоборот, напротив*), на вывод, итог, обобщение, следствие (*таким образом, следовательно, итак, значит, вообще, словом и т.д.*), на конкретизацию, уточнение, добавление (*например, именно, в частности, кроме того, сверх того, более того и т. д.*). К ним примыкают клишированные выражения связи с предшествующей информацией или указания на последующую (*как было сказано, как я уже говорил, в дальнейшем будет видно и т.д.*).

К грамматическим средствам организации текста публичного выступления относят обычно порядок слов, синтаксический параллелизм, употребление определенных видовременных форм глагола. Порядок слов и предложений в тексте, отражая характер распределения информации, определяется коммуникативными целями автора. Для научных текстов характерен нейтральный порядок слов, при котором тема (тематическая, исходная, известная информация) располагается в начале, а рема (новая, важная, актуальная информация) — в конце предложения. В структурносинтаксическом плане рема, как правило, совпадает с группой сказуемого, а тема — с подлежащим. Кроме того, порядок слов в предложении зависит от контекста и выполняет текстообразующие функции, участвуя в построении текстов разных структур.

В лингвистике текста выделяются три модели темарематических структур, представленные практически во всех стилях [5, с. 162]: 1) линейная тематическая прогрессия, когда происходит последовательная тематизация ремы предшествующего предложения, 2) темарематическая прогрессия со сквозной

темой, то есть тема сохраняется на протяжении определенного отрезка текста и 3) темарематическая прогрессия с производными темами, связанными с общей гипертемой определенными отношениями.

Синтаксический параллелизм можно рассматривать как повтор на синтаксическом уровне (своеобразный синтаксический повтор). Он проявляется в одинаковом синтаксическом строении предложений текста, расположенных последовательно. Однотипность синтаксического строения, как правило, наблюдается в грамматической структуре предложения или его частей и в порядке слов. Связь между предложениями усиливается, если отдельные члены предложений имеют одинаковое лексическое наполнение, то есть синтаксическая связь подкрепляется анафорической, лексической. Данный вид связи не только создает и оформляет смысловое единство текста, но и выполняет функцию выделения и усиления информативно значимых фрагментов текста, что обуславливает его выразительность. Например:

«Деление юридических норм на регулятивные, охранительные и дефинитивные явно не является чистым. Поскольку все юридические нормы — правила поведения, постольку все они — и регулятивные, и охранительные, и дефинитивные — регулятивны. Разве уголовноправовой запрет, являющийся типично охранительным, не регулятивен? Поскольку все юридические нормы включают в себя санкции, постольку все они — и охранительные, и регулятивные, и дефинитивные — охранительны. Разве правило, в соответствии с которым дети обязаны доставлять содержание своим нетрудоспособным родителям, будучи типично регулятивным, не является одновременно и охранительным? Поскольку все нормы опираются на кон-кретное понимание правовых феноменов, основанное на юридических определениях, постольку все они — и дефинитивные, и регулятивные, и охранительные — дефинитивны. Разве статья УК, устанавливающая ответственность за кражу, т. е. «тайное похищение чужого имущества», будучи «типичной» охранительной нормой, одновременно не дефинитивна?»

/Выступление Премьер-министра Республики Таджикистан А.Г. Акилова на Международной экономической конференции по Таджикистану в региональном контексте Центральной Азии в рамках программы СПЕКА 2–4 апреля 2003 года/.

Как средство организации текста публичного выступления в научной литературе рассматривается категория грамматического времени. Для текста публичного выступления характерно концептуальное время, которое реализуется в формах настоящего вневременного. «Вместе с тем в текстах публичного выступления встречаются свободные переходы между настоящим и прошедшим, что не всегда мотивировано собственно соотносительностью с объективным временем (например, переходы от описания преемственности политической линии партии к общению этой линии). Часто оказывается важной не собственно форма времени, а смена грамматических времен, которая сигнализирует о переходе к другому информативному блоку. Это позволяет исследователям делать вывод о том, что основная функция времени в научном тексте заключается в сегментации и интеграции смыслового содержания». Например:

«Европоцентризм — культурфилософская и мировоззренческая установка всех политиков новой волны. Согласно этой установке, Европа является центром мировой культуры и цивилизации. Это означает, что все мы — не более, чем периферия миро-

вой цивилизации. Первыми в Европе противопоставили себя Востоку древние греки. Понятие Востока они относили к Персии. Но уже в Древней Греции это понятие было не просто географическим. Разграничение Востока и Запада стало формой обозначения противоположности эллина и варвара. Ясно, что такое деление имело отчетливо выраженную ценностную окраску. Подобный взгляд оформился в одну из традиций, которая была унаследована Европой нового времени. Крестовые походы и путешествия, жестокие колониальные войны — все это реальное проявление европоцентристской точки зрения. Согласно ей Европа, Запад представляют единственную безоговорочную ценность. В эпоху средневековья, когда связи Европы с остальным миром резко ослабевают, Восток в сознании европейца закономерно отодвигается на задний план.»

/Интервью с Натальей Зотовой, кандидатом исторических наук, научным сотрудником Института этнологии и антропологии РАН, шеф-редактором ИА «Фергана.Ру» 14 июня 2007 года/.

В данном фрагменте текста наблюдаются две смены времен: 1) от настоящего вневременного (пропущенный глагол-связка, глагол является) к прошедшему (противопоставили, относили, было, стало, имело, оформился, была унаследована) и 2) от прошедшего к настоящему (пропущенный глагол-связка, глаголы представляют, ослабевают, отодвигается). Причем следует заметить, что если переход к прошедшему времени при описании взглядов древних греков можно мотивировать соотнесенностью с объективным прошедшим временем, то возникает вопрос употребления настоящего времени при описании средневековья. Более того, и при описании взглядов древних греков можно было употребить настоящее вневременное. Следовательно, смена грамматических времен обуславливается не отнесенностью к объективному времени, а авторской позицией, его замыслом: переход к прошедшему времени сигнализирует о переходе от определения понятия к исторической справке, а возвращение к настоящему времени снова переводит текст в план определения, описания понятия.

Вывод. Таким образом, реализация категории связности в тексте публичного выступления по срав-

нению с текстами общелитературного языка имеет свои особенности: 1) связность публичного текста базируется прежде всего на внутренней логике предмета исследования; 2) наиболее частотным видом связи является полный лексический повтор текста, так как именно он обеспечивает однозначность текста; 3) для композиционного оформления содержания широко используются эксплицитные стандартизированные выражения; 4) для публичного текста характерен нейтральный порядок слов; 5) категория грамматического времени в публичном тексте выполняет функции сегментации и интеграции текстового содержания. Кроме того, необходимо добавить, что в реальных текстах связность одновременно осуществляется совокупностью различных средств, создавая семантическое, структурносинтаксическое и тематическое единство, что позволяет выделять разные типы структурной организации текста.

Библиографический список

1. Гламаздан, В. Ты овладел ораторским искусством? / В. Гламаздан. — М.: Известия, 2000. — С. 123
2. Кузнецова, В. Искусство публичных выступлений / В. Кузнецова. — URL : <http://temenos.narod.ru> (дата обращения : 10.09.2010).
3. Бовтенко, М. А. Компьютерная лингводидактика : учеб. пособие / М. А. Бовтенко. — Новосибирск, 2000. — С. 92.
4. Солганик, Г. Я. Синтаксическая стилистика / Г. Я. Солганик. — М., 1991. — С. 53.
5. Мамонов, В. А. Практическая стилистика современного русского языка / В. А. Мамонов, Д. Э. Розенталь. — М., 1957. — С. 162.

УСМОНОВ Рустам Ахмаджонович, кандидат филологических наук, докторант кафедры русского языка и методики его преподавания РУДН, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Центрально-Азиатский филиал Московского института современного академического образования». Адрес для переписки: e-mail: us.rustam59@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.05.2010 г.

© Р. А. Усмонов

Книжная полка

ББК 81.432.1/Ш37

Шевелева, А. В. Грамматика английского языка в презентациях [Текст] : учеб. пособие для студентов и бакалаврантов экон. специальностей / А. В. Шевелева ; Всерос. заоч. финансово-экон. ин-т (фил. в г. Омске). — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2010. — 79 с. — ISBN 978-5-8149-0958-7.

В настоящем пособии в краткой форме изложены основные теоретические вопросы грамматики английского языка. Предпринята попытка интерпретировать учебный материал в современной форме изложения — презентациях.

Учебное пособие содержит 141 слайд по грамматике английского языка с использованием примеров из оригинальных источников по экономике.

Рекомендовано методической комиссией филиала ВЗФЭИ в г. Омске для межвузовского использования в качестве учебного пособия для студентов и бакалаврантов, обучающихся по экономическим специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Менеджмент организации».

Учебное пособие предназначено для студентов экономических специальностей, изучающих английский язык.

КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕРМИНОВ-СИНОНИМОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТРУКТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Статья посвящена изучению синонимических отношений терминов немецкой экономической терминологии с точки зрения их структурных особенностей. В статье выявляются и анализируются основные типы синонимических отношений терминов, возникших в результате разных способов терминообразования.

Ключевые слова: синонимия терминов; структура терминов, моноксемные термины, полилексемные термины.

Под *терминами-синонимами* понимается тип семантических отношений, основанный на способности разных терминологических единиц обозначать одно специальное понятие для указания на его разные существенные или несущественные признаки, а также для выражения стилистического отношения автора к излагаемому материалу [1].

При исследовании синонимичных терминов в немецкой экономической терминологии мы обратили внимание на тот факт, что для номинации одних и тех же экономических понятий используются термины, возникшие в результате разных способов терминообразования.

Данный факт позволяет нам остановиться на рассмотрении структурных особенностей экономических терминов-синонимов, а также проанализировать синонимические отношения, возникающие между разными по структуре терминами. Анализу подверглись термины общим объемом 3130 единиц, отмеченные как синонимы в изученных нами лексикографических источниках [2 – 4].

Структурному анализу подверглись как термины, образованные на базе исконного языкового материала, так и заимствованная лексика, которая активно участвует в образовании синонимов в исследуемой терминологии.

Традиционно выделяют *однословные термины*, которые подразделяются на простые однокорневые, производные и сложные термины (их называют также моноксемные) и *термины-словосочетания* (или полилексемные).

Анализ выборки терминов-синонимов немецкой экономической терминологии общим объемом 3130 терминологических единиц показал, что 2810 терминов являются моноксемными, а 320 терминологических наименований относятся к полилексемным терминам, то есть процентное соотношение моноксемных и полилексемных терминов составляет 89:11%. Представленные термины образуют 1335 синонимических рядов.

В исследуемом корпусе терминов оказалось возможным выделить с точки зрения структуры синонимические отношения между: моноксемными терминами; полилексемными терминами; моноксемными и полилексемными терминами. Рассмотрим

подробнее отношения между данными структурными типами терминов-синонимов.

I. Синонимические отношения между моноксемными терминами

В синонимические отношения данного типа вступают простые однокорневые, производные и сложные термины. При этом синонимические отношения между указанными терминами реализуются по разным моделям и с разной продуктивностью.

1. Синонимия между двумя простыми терминами

Данная группа представлена наименьшим количеством рядов (8 рядов, или 0,6% от общего количества синонимических рядов). Например: *Gut – Ware – товар*, *Pacht – Miete – аренда*.

Синонимические отношения между двумя простыми терминами не являются продуктивными, что объясняется на наш взгляд сравнительно небольшим количеством в составе данной терминологии подобных терминологических единиц, то есть отсутствием широкой базы для образования синонимических отношений между терминами данной структуры.

2. Синонимия между производными терминами

Данная группа представлена большим количеством рядов, а соответственно, и терминов, вступающих в синонимические отношения (161 ряд, или 12% от общего количества рядов).

Анализ синонимических отношений с участием производных терминов показал, в свою очередь, следующие способы их образования:

а) синонимические отношения между терминами с одинаковым префиксом:

Wiedererwerbung – Wiederkauf – выкуп, обратное приобретение;

Unterschleif – Unterschlagung – присвоение чужого имущества;

Abgeld – Abschlag – понижение курса от нарицательной стоимости ценных бумаг, векселей.

б) синонимические отношения между терминами с разными префиксами:

Erhebung – Einziehung ~ взимание (налогов, платы);

Abwicklung – Auflösung ~ ликвидация, роспуск (организации, фирмы);

Vorweiser – Überbringer ~ предъявитель (чека).

3. Синонимия между корневыми и производными терминами

Данная группа представлена 20 синонимическими рядами, что составляет 1,4% от общего количества рядов. Производные термины вступают в синонимические отношения чаще, а потому в рядах данного типа число производных терминов гораздо больше, чем корневых. Проиллюстрируем это на следующих примерах:

Rüge – Beschwerde – Beanstandung – Reklamation ~ жалоба, претензия;

Rabatt – Abschlag – Abzug – Preisnachlass – Ermäßigung ~ скидка.

Таким образом, в синонимических рядах монолексемных терминов с участием простых и производных терминологических единиц, большим количеством представлены производные термины. Скорее всего, это объясняется тем, что простые термины не способны мотивировать научное понятие. Довольно часто они характеризуются многозначностью, в то время как производные по структуре термины получают частичную мотивированность [5]. Под мотивированностью подразумевается явление, при котором «данное содержание поддается более или менее непосредственному соотношению с соответствующим понятием» [6, с. 100]. Скрытое в простом по структуре термине реализуется в производном термине в его структуре.

4. Синонимия между сложными терминами

Синонимические отношения между сложными терминами занимают в экономической терминологии немецкого языка центральное место и характеризуются многообразием проявлений. В исследуемой терминологии синонимия между терминами данной структуры является самой продуктивной: в представленной выборке насчитывается 817 синонимических рядов, что составляет 61,2% от общего количества исследуемых рядов.

Синонимические отношения выстраиваются между терминами, отличающимися друг от друга либо полной заменой компонентного состава, либо частичной заменой входящих в них компонентов.

Полная замена компонентного состава термина может быть проиллюстрирована следующими примерами:

Normativakt – Ordnungsvorschrift ~ нормативный акт;

Warenverkehr – Handelsumtausch ~ торговый обмен;

Fehlbetrag – Reinverlust ~ дефицит бюджета.

При частичной замене компонентов сложных терминов может варьироваться:

а) определяющий компонент при сохранении общего определяемого компонента, например:

Ausgabensteuer – Verbrauchssteuer ~ налоги на отдельные предметы потребления;

Ratenkauf – Abzahlungskauf ~ покупка в рассрочку;
Bestellmenge – Beschaffungsmenge ~ объем заказа;

Handelswechsel – Warenwechsel ~ коммерческий вексель;

б) определяемый компонент при сохранении общего определяющего, например:

Schuldschein – Schuldurkunde ~ долговое обязательство;

Geldnot – Geldknappheit ~ нехватка денег;
Geldeinkommen – Geldeinkünfte ~ гонимые поступления;

Teilakzept – Teilannahme ~ неполный акцепт.

в) одна из корневых морфем многокомпонентного сложного термина, например:

Bankkreditschuld – Bankdarlehenschuld ~ заголовность по банковской ссуде;

Geldumlaufgeschwindigkeit – Geldumschlaggeschwindigkeit ~ скорость обращения денег;

Durchfrachtkonnossement – Durchgangskonnossement ~ сквозной (прямой) коносамент).

Исследование показывает, что композиты, имеющие в качестве общего один из компонентов, обусловлены использованием:

— компонентов на иноязычной основе в гибридных образованиях, например: **Geldsubstitute – Geldsurrogate** ~ денежный суррогат, «почти деньги» (свободно обращающийся высоколиквидный актив, который может быть использован для выплаты определенных долгов);

— иноязычных компонентов в гибридных композитах, и соответствующих им немецких эквивалентов: **Abrechnungsverkehr – Clearingverkehr** ~ клиринговые операции;

— дублетов: **Erfüllungsort – Leistungsort** ~ место исполнения обязательств;

— компонентов, которые не являются синонимами в отрыве от данного сложного термина (компоненты являются либо метафорически переосмысленными, либо отражают разные характеристики одного и того же явления, предмета). Например: **Akkordschere – Akkordköpfen** ~ снижение расценок сдельной заработной платы за счет повышения нормы выработки.

5. Синонимия между производными (реже простыми однокорневыми) терминами и сложными терминами

Данная группа представлена 96 синонимическими рядами, или 7% от общего количества синонимических рядов.

Для синонимичных терминов данной структуры характерно отличие в плане генезиса: согласно данным этимологического словаря [7] следующие заимствованные термины являются производными терминами по своей структуре, а их немецкие эквиваленты представлены сложными терминами, например:

Bonität [лат.] – **Kreditwürdigkeit** [нем.] ~ кредитоспособность, платежеспособность;

Konnossement [фр.] – **Seeschiffsfrachtbrief** [нем.] ~ коносамент;

Regressat [лат.] – **Rückgriffschuldner** [нем.] ~ регрессат (лицо, против которого направлено требование о возмещении в вексельном обращении).

Активный процесс заимствования, характерный для немецкой экономической терминологии, способствует тому, что в немецком специальном языке экономики для номинации понятия появляются термины, заимствованные из двух разных языков или синонимичные термины, заимствованные из одного языка, что является причиной расширения синонимических рядов в исследуемой терминологии. Так, согласно данным этимологического словаря [7], в синонимическом ряду **Bankrotteur – Fallit – Zahlungsunfähige** (банкрот), термин **Bankrotteur** является французским заимствованием, термин **Fallit** заимствован из итальянского, термин **Zahlungsunfähige** является исконным немецким термином. Как показал анализ экономической литературы, заимствованные термины стали равноправными членами немецкой экономической терминосистемы. Именно простота и краткость заимствованных терминов явились одной из главных причин их укоренения в немецкой экономической терминологии.

II. Синонимические отношения между полилексемными терминами

Материалы исследования показали, что синонимические отношения между полилексемными

терминами (они представлены терминологическими сочетаниями) в целом не являются распространенными. Количество рядов с участием терминов данной структуры составляет 124 или 9% от общего количества проанализированных рядов. Представляется возможным выделить структурные модели свободных словосочетаний, образующих синонимические ряды:

1. в результате замены определяющего компонента:

а) выраженного такой же частью речи, например: **gesamtwirtschaftliche Kosten – soziale Kosten** – народнохозяйственные издержки;

eigener Wechsel – trockener Wechsel – соло-вексель, простой вексель.

б) с заменой определяющего компонента, выраженного разными частями речи и разным количеством элементов, например:

langfristiger Wechsel – Wechsel auf lange Sicht – долгосрочный вексель;

indossierter Wechsel – Wechsel mit Indossament – вексель с передаточной надписью.

2. в результате замены определяемого компонента, например:

gesetzliches Gewicht – gesetzliche Masse – легальный вес;

wirtschaftspolitische Instrumente – wirtschaftspolitische Maßnahmen – инструменты экономической политики.

3. в результате замены как определяемого, так и определяющего, например:

konjunkturelle Schwankungen – lange Wellen der Konjunktur – колебания конъюнктуры.

Синонимическая замена одного из составляющих элементов в терминологических сочетаниях происходит без нарушения семантической целостности всего сочетания. Они довольно распространены в исследуемой терминологии.

В свою очередь, синонимия терминологических словосочетаний с полной заменой всех составных элементов представлена единичными примерами. Скорее всего, объясняется это слишком жесткими требованиями, предъявляемыми к структуре подобных синонимических единиц.

III. Синонимические отношения между моноксемными и полилексемными терминами

Синонимические отношения между данными типами терминов являются продуктивными. Они могут возникать:

1. Между производными терминами и терминологическими сочетаниями

Синонимических рядов с участием терминов данной структуры в нашей выборке оказалось 11, что соответствует 0,8% от общего количества рядов. Особенностью этих рядов можно назвать то, что все производные термины согласно данным этимологического словаря [7] являются заимствованными из разных языков терминами. Синонимичные к ним составные термины представляют собой описание понятия, например:

Rimesse [ит.] – **in Zahlung gegebener Wechsel** – вексель, пересылаемый для покрытия долга;

Repartition [фр.] – **Verteilung im Verhältnis der Beteiligten** – репартиция;

Tratte [ит.] – **gezogener Wechsel** – трампа (переводной вексель).

2. Между сложными терминами и терминологическими сочетаниями

Количество синонимичных рядов между сложными терминами и терминологическими сочетаниями

составляет 110, что соответствует 8,2% от общего количества рядов. К группе синонимов «сложный термин – терминологическое сочетание» относятся в основном термины:

а) являющиеся материальными заимствованиями (представлены терминологическими сочетаниями) и калькированными терминами (представлены составными терминами). Например:

inside money – Innengeld – внутренние деньги; **market maker – Marktmacher** – «делатель рынка» (гилер, проводящий операции с ценными бумагами на фондовой бирже);

interne Revision – Innenrevision – внутренняя ревизия (ревизия, проведенная ревизионным отделом предприятия).

В немецком языке определительное сложное слово выступает в качестве средства, отличающегося такой же универсальностью, как словосочетание в основе заимствованных терминов;

б) в которых синонимические отношения складываются в результате варьирования определяющего компонента при одинаковом определяемом компоненте. Например, композит **Transferakkreditiv** трансферабельный аккредитив имеет синонимичный составной термин **übertragbares Akkreditiv**, с которым его объединяет компонент **Akkreditiv**. В качестве других примеров приведем следующие:

Leergewicht – Gewicht der Verpackung – вес упаковки;

Geschäftsakt – kommerzieller Akt – коммерческий акт;

spekulativer Boom – Schieberboom – спекулятивный бум.

Использование словосочетаний (особенно двухкомпонентных) дает большие возможности для выражения характерных для экономической терминологии детализирующих классификационных понятий. Составные термины помогают осмыслить структуру терминов-композиций, а также понятия, определяемые с их помощью.

Необходимо отметить, что в семантическом отношении термины, полученные в результате словосложения, имеют более общий смысл, чем терминологические сочетания. В структурном плане они характеризуются относительной краткостью и отсутствием грамматической оформленности первого компонента. Синонимические составные термины имеют преимущества в тех случаях, когда количество компонентов в сложном существительном превышает трехчленную структуру и приводит к словообразованиям «столь же тяжеловесным, сколь и непонятным» [8, с. 92].

Итак, как показало исследование, термины подразделяются по своей структуре на три группы: моноксемные термины в одном синонимическом ряду; полилексемные термины в одном синонимическом ряду; моноксемные и полилексемные термины в одном синонимическом ряду.

Внутри первой группы синонимические отношения возникают между: а) простыми терминами; б) производными терминами; в) простыми и производными терминами; г) сложными терминами; д) производными (реже простыми терминами) и сложными терминами.

Внутри второй группы синонимические отношения возникают между терминологическими словосочетаниями с заменой одного из составных элементов либо с полной заменой всех составных элементов.

Внутри третьей группы синонимические отношения возникают между: а) производными терминами

ми и терминологическими словосочетаниями; б) сложными терминами и терминологическими словосочетаниями.

Самым распространенным типом синонимических отношений являются отношения между двумя сложными терминами, в которых происходит варьирование одного из компонентов (61,2% от общего количества исследуемых рядов). Наименее распространенными являются синонимические отношения между двумя простыми терминами (0,6% от общего количества проанализированных рядов). В плане семантического рассмотрения такие термины могут проявляться как в абсолютных, так и в относительных, а также идеографических синонимах.

Библиографический список

1. Татаринев, В. А. Общее терминоведение [Текст] : энциклопедический словарь / В. А. Татаринев ; Рос. терминолог. общ-во РоссТерм. — М. : Московский лицей, 2006 — 528 с.
2. Duden Wirtschaft von A bis Z. Grundlagenwissen für Beruf, Ausbildung und tägliches Leben. — 2. Auflage. — Dudenverlag : Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2004. — 512 с.
3. Gabler Kompakt- Lexikon Volkswirtschaft / bearb. von Prof. Dr. Dirk Piekenbrock. — Wiesbaden, 2002. — 490 S.

4. Wirtschaftslexikon / hrsg. von Artur Woll unter Mitarb. von Gerald Vogl und Martin M. Weigert. — 9, völlig überarb. und erw. Aufl. — München; Wien: Oldenbourg, 2004. — 836 S.

5. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений [Текст] / Е. С. Кубрякова ; отв. ред. Е. А. Земская ; предисл. В. Ф. Новодрановой // Семантика производного слова. — 2-е изд., доп. — Изд-во : ЛКИ, 2008 — 208 с.

6. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. — М. : Эдиториал УРСС, 2004. — С. 100.

7. DUDEN. Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. 3, völlig neu bearb. und erweitert. Aufl. Hrsg. von der Dudenredaktion. — Mannheim, Leipzig, Wien: Dudenverlag, 2001. — Band 7. — 569 S.

8. Степанова, М. Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке [Текст] / М. Д. Степанова, В. Фляйшер. — М. : Высш. шк., 1984. — 264 с.

КЕРБЕР Елена Владимировна, преподаватель кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: e-mail: IKerber@mail.ru

Статья поступила в редакцию 31.01.2011 г.

© Е. В. Кербер

Книжная полка

ББК 81.432.1/ШЗ7

Шевелева, А. В. Тестовые задания по английскому языку [Текст] : учеб. пособие для студентов и бакалавров экон. специальностей / А. В. Шевелева ; Всерос. заоч. финансово-экон. ин-т (фил. в г. Омске). — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2009. — 212 с. — ISBN 978-5-8149-0743-1.

В настоящем пособии предпринята попытка системного подхода к обучению грамматике английского языка при помощи тестов и проверке знаний с использованием тестовых заданий.

Учебное пособие содержит 871 тест по грамматике английского языка с использованием примеров из текстов по экономике Online-версий популярных экономических изданий, специальной литературы.

Тестовые задания по английскому языку рекомендованы методической комиссией филиала ВЗФЭИ в г. Омске для межвузовского использования в качестве учебного пособия для студентов и бакалавров, обучающихся по экономическим специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Менеджмент организации».

Настоящие тесты предназначены для преподавателей и студентов экономических специальностей, изучающих английский язык.

ББК 81.432.1/СЗ4

Сидоренко, Ю. Н. Особенности формирования английской биржевой терминологии [Текст] : монография / Ю. Н. Сидоренко ; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2010. — 104 с. — ISBN 978-5-8149-1030-1.

В монографии рассматриваются основные способы образования английской биржевой терминологии с использованием социолингвистического подхода.

Рекомендуется лингвистам, терминоведам-теоретикам и терминологам-практикам, переводчикам и специалистам, интересующимся проблемами в области терминологии.

ББК 81.432.1/Ч-93

Чурилова, И. Н. Неологизмы в театральной терминологии английского языка конца XX—начала XXI вв. [Текст] : монография / И. Н. Чурилова ; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2010. — 181 с. — ISBN 978-5-8149-1009-7.

В монографии рассматривается театральная терминология в английском языке, появившаяся после 1990 г. в социолингвистическом освещении. Значительное внимание уделяется способам формирования новых театральных терминов, их экстралингвистической и лингвистической обусловленности. В целостной форме представлена система современной театральной терминологии, выявлены ее особенности и правила адекватного перевода.

Рекомендуется филологам, терминологам, переводчикам, а также преподавателям, студентам, аспирантам театральных учебных заведений и учебных заведений культуры и искусства и всем, интересующимся проблемами терминологии.